

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н. ГУМИЛЕВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ПОЛИЛИНГВАЛЬНАЯ ШКОЛА:
КОНЦЕПЦИЯ И МОДЕЛЬ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

Материалы вебинара

Астана, 2017

ПОЛИЛИНГВАЛЬНАЯ ШКОЛА: КОНЦЕПЦИЯ И МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Материалы вебинара

Астана, 2017

УДК 378:80
ББК 74.58
П50

Международная редакционная коллегия:
Е.А. Журавлёва, А.Е. Агманова, А.К. Ешекенева (Казахстан),
Цзян Цюнь, Н.С. Касюк (Китай)

П50 Полилингвальная школа: концепция и модель образовательного процесса: сборник статей / Отв. ред. Е.А. Журавлёва. – Астана: Изд-во ИП «Дана», 2017. – 182 с.

ISBN 978-9965-31-512-1

Сборник содержит статьи участников вебинара «Полилингвальная школа: концепция и модель образовательного процесса», проведенного в рамках сотрудничества филологического факультета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева и факультета русского языка Даляньского технологического университета (Китай). Выступления участников вебинара посвящены проблемам формирования поликультурной личности в условиях многоязычного мира, внедрения инновационных педагогических технологий в поликультурное образование, становления общегражданской идентичности в поликультурном образовательном процессе в условиях глобализации.

ISBN 978-9965-31-512-1

УДК 378:80
ББК 74.58

трудолюбие; честность; культ учености и образования; светская страна;

– успешной адаптации репатриантов-казахов и интеграции их как органической составляющей современного казахстанского общества.

Литература

1. Агманова А.Е., Асмагамбетова Б.М., Акынова Д.Б., Даирова М.К. Русский язык: учебное пособие для казахоязычных студентов-репатриантов / под общей ред. А.Е. Агмановой. Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrint LTD», 2015. – 250 с.

2. Агманова А.Е., Асмагамбетова Б.М., Даирова М.К., Кузар Ж.Н. Русский язык (научный стиль речи): учебное пособие для казахоязычных студентов-репатриантов / под общей ред. А.Е. Агмановой. Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrintLtd», 2016. – 170 с.

3. Грамматический справочник по русскому языку: пособие для казахоязычных студентов-репатриантов / А.Е. Агманова, Б.М. Асмагамбетова; под общей ред. А.Е. Агмановой. – Астана: Изд-во: ТОО «KazServicePrintLtd», 2016. – 100 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДИСКУРСИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б.

Белгородский государственный университет

Россия, г. Белгород

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

nurtazina2@gmail.com

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики предполагает комплексное исследование особенностей коммуникативной компетенции языковой личности с его способностью совершать те или иные речевые поступки в условиях трехязычного обучения и многоязычия.

В этом ракурсе рассмотрение дискурсивного мышления как речевого процесса, структура которого направлена на репрезентацию скрытых процессов языкового сознания личности, представляется достаточно перспективным при исследовании художественной речи.

Полилингвальное образование направлено на то, чтобы способствовать пониманию многоязычия как толерантного отношения к разным языкам и межкультурной коммуникации с целью преодоления этнокультурных стереотипов для полноценного диалога в любом социуме.

Актуальность такого исследования связана с тем, что реализация коммуникативно-прагматического потенциала дискурсивного мышления обучаемых второму и третьему языкам, обеспечивает:

- ◆ более эффективное и адекватное понимание архитектоники художественной речи;

- ◆ актуализирует «авторское присутствие» в художественного текста и повышает потенциал его восприятия [1: 15-17; 6: 322; 8: 34];

- ◆ по мере пошагового, постепенного усвоения другого языка и иноязычной культуры способствует овладению фундаментальными основами «порождения дискурса по трансформации речемыслительных операций по разворачиванию темы в текст и, наоборот, компрессии речевого сообщения к ядерному смыслу» [8: 35].

Для успешной реализации данного потенциала важно вырабатывать у обучающихся умение анализировать художественный текст с точки зрения породившего его дискурса с учетом разных уровней языковой системы (лексического, морфологического, синтаксического). Стратегическая значимость такого подхода состоит в развитии речевых (прагмалингвистических) навыков обучающихся, что, несомненно, способствует развитию у них понимания своеобразия каждого из языков, входящих в формируемое полилингвальное образовательное пространство.

Поскольку обучение языкам осуществляется на примерах высокого нормативного уровня, целесообразно сосредоточиться на лингводидактических способах реализации коммуникативно-прагматического потенциала дискурсивного мышления именно в художественной речи.

Исследование активных лексико-семантических процессов в русском художественном тексте предопределяется такими фундаментальными понятиями современной лингвистики, как (а) «дискурс» как коммуникативно значимая экстралингвистическая информация; и (б) «нарратив» как субъективно-объясняющее изложение дискурсивно значимого события, содержанием которого служит описание взаимосвязанных ситуаций (стечения описываемых жизненных

обстоятельств), представленных в виде последовательности слов-образов.

В таком случае дискурс – это не просто речь, не обычная вербальная коммуникация, не функциональный стиль или речевой жанр, а сложное коммуникативно-когнитивное явление, которое образует с текстом достаточно сложную конфигурацию. Прежде всего, она определяется семиозисными отношениями. Дискурс – когнитивно-коммуникативная среда текстообразования: в недрах дискурса порождается текст [1: 133-135; 4: 67]. Этим, собственно, и обуславливается второй тип их взаимоотношений. Его можно назвать *инклюзивными отношениями*, т. е. *отношением* включения. Они особо важны для понимания дискурсивно-нарративной архитектоники художественного слова. Дело в том, что *отношения вообще*, и прежде всего *инклюзивные*, являются главным механизмом порождения смыслов [1: 150-152]. Итак, дискурс включает в себя произведенный им текст (но не сводится к нему!).

В состав дискурса входит не только содержание производимого им текста, но и различная экстралингвистическая информация, включающая целый арсенал индикаторов «метапрагматической осведомленности» [9: 92-95], способствующий формированию дискурсивного мышления обучающегося при анализе текста.

Под *содержанием художественного текста* понимается фрагмент картины мира автора, коррелирующий с реальной или вымышленной действительностью, воплощенный в художественной форме с позиций эстетического идеала писателя по законам словесного искусства. Т.А. ван Дейк её подразделяет на *знание* мира, *мнения* и *ценностные установки*, играющие важную роль для понимания и восприятия авторских интенций [4: 92-95]. Поскольку дискурс – сложное образование, важно выделить его составляющие.

Обратимся к рассказу В. М. Шукшина «Волки». Элементами дискурса и факторами репрезентируемого этим текстом смыслового содержания выступают:

- ◆ излагаемые события (разное поведение людей в напряжённой жизненной ситуации, в которой опасность ярко выявляет суть двух разных человеческих характеров: мелкого, корыстного – и широкого, смелого);

- ◆ его участники (Наум Кречетов, его зять Иван и волки);

- ◆ перформативная информация (содержится в речевых построениях, психологически воздействующих на адресата).

Излагаемые события – то, что имеет место, происходит, наступает в произвольной точке конкретного пространственно-временного континуума. Такой точкой в рассказе В. Шукшина служит нападение волчьей стаи на двух мужчин, отправившихся в лес по дрова.

Событием по сути своей является любой объект, который, согласно концепции Брунера [7: 35], актуализируясь, обретает «сущность» (индивидуальную выраженность), собственное имя (В. Шукшин назвал его словом *волки*).

Ученые полагают, что событие охватывает такие понятия, как процесс, действие, состояние, условие, ситуация, изменение, положение дел (расположение, соотношение чего л., обычно непреднамеренно, случайно) [6: 321; 7: 293], которые обозначают всё то, «что происходит с предметами» [3: 204]. Среди трёх типов событийности, выделяемые В.З. Демьянковым (а) событие как идея; б) собственно событие, или референтное событие; 3) текстовое событие [6: 321]), разумеется, главным объектом когнитивной лингвопоэтики является текстовая событийность. И не только по внешнему признаку. Дело в том, что первые два типа объясняются последним: референтное событие требует осмысления *семантических* и *нарративных* аспектов события, а событие как идея постигается только путем анализа *семиотики события*.

Наиболее эффективной для построения дискурсивно-нарративной архитектоники художественной речи считаем смысловую палитру, характеризующую концепт, которая представлена в работах Н.Д. Арутюновой как: 1) отнесённость к жизненному пространству, что отличает смысл от явления, 2) принадлежность магистральной линии жизни (в отличие от инцидента), 3) динамичность и кульминативность (наличие «точки осуществления»); 4) «сценарность», которая при отсутствии «естественного» сценария создаётся ритуалом; сценарность события противостоит градуированности процесса, 5) неконтролируемость (в отличие от поступков), 6) слабая структурированность (в отличие от целенаправленных действий), 7) целостность, отвлечённость от временной протяжённости (в отличие от процессов), 8) отсутствие логической необходимости существования (в отличие от состояний, качеств, свойств и других форм бытия), 9) единичность, счётность (в отличие от деятельности), 10) функциональность (недескриптивность) обозначения конкретных событий, подводимых под родовое понятие «событие», 11) преимущественная включённость в интерпретирующий контекст (в отличие от

процессов), 12) «вершинная» позиция при пространственно-временном совмещении с другими событийными объектами (процессами, действиями), служащими субстратом события [2: 38-41].

Сам факт нападения волков на людей – ещё не событие, но в рассказе В. Шукшина он превращается в событие благодаря его актуализации и индивидуальной выраженности: характерное поведение тестя и зятя в крайне опасной ситуации. Отсутствие такого рода индивидуализации делает невозможным существование события. Согласно концепции Э. Вендлера, событие «подает нам знаки и ожидает нас» [5: 299].

Событие, представленное в рассказе В. Шукшина, посылает знаки: хищник, агрессия, борьба за жизнь и возможные варианты действий людей при встрече со смертельной угрозой. При текстопорождении подаваемые событием знаки воплощаются в цепочки взаимосвязанных слов, поскольку, по мнению В. Буданова, который, вслед за Л. Витгенштейном утверждает, что само «событие – связь объектов (предметов, вещей)» [8: 103]. При этом под событием понимается атомарный факт, множество взаимосвязанных элементов. Написание слова со-бытие через дефис подчеркивает элементарный характер соответствующих «фактов», их сосуществование в составе собственно факта.

Следующий аспект рассмотрения художественной речи при изучении языка – это рассмотрение и анализ события и перформатив в смысловой архитектонике слова.

В классической трактовке речевой акт является *перформативным*, если он воздействует на партнера для получения нужной *информации*. Перформатив или *перформативное высказывание* [8: 35] – это *высказывание, эквивалентное действию, поступку, совершаемому в момент произнесения данного перформативного высказывания*. В рассказе В. Шукшина таковым является следующий фрагмент текста.

Оба приготовленных для рубки дров топора лежат в санях у тестя. С их помощью можно отбиться от волков, но Наум, не заботясь о зяте, спешит спасти собственную жизнь.

«Дай топор!» – несколько раз кричит ему Иван, которого волки уже обходят с обеих сторон. Откликнувшись, наконец, на громкие призывы зятя, Кречетов выбрасывает один топор на обочину дороги, но сам продолжает удирать. Иван выпрыгивает из саней и хватается за топор, оказываясь один среди голодных хищников.

Входя в контекст жизненных событий, перформатив, как видим, создает социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, которая влечет за собой определенные последствия. Классический перформатив [8: 36] – это высказывание, эквивалентное поступку, совершаемому в момент произнесения данного высказывания. Это такие речевые построения, которые в момент их произнесения не просто описывают какое-либо действие, а являются самим действием, которое совершает говорящий, произнося эти высказывания. Это узкое понимание перформатива и перформативной информации.

Для моделирования коннотативно-прагматической палитры художественного слова мы используем широкое понимание этого феномена, которое стало возможным благодаря разработанной Дж. Р. Серлем классификации перформативных высказываний [11: 170]. За основу своей классификации ученый берет *связь коммуникативной интенции говорящего со значением самого высказывания и иллокутивным эффектом*, который направлен на реципиента. Причем в художественном дискурсе реципиентом выступает не только читатель, но персонаж-коммуникант, к которому обращено высказывание. В анализируемом рассказе таковым является Наум. Воздействие иллокутивного эффекта заставляет и персонажа, и читателя воспринять коммуникативное намерение Ивана с нужным для него эффектом. В тексте В. Шукшина в разной, разумеется, пропорции используются все выделенные Дж. Р. Серлем иллокутивные типы высказываний:

а) репрезентативные (representatives) – описывают некоторое положение дел или сообщают о таком положении дел: В. Шукшин описывает ситуацию, отводит каждому участнику дискурсивного события определенное место;

б) директивные (directives) – выражают побуждение адресата к совершению некоего действия: – Сто-ой! – заорал он. – Отец!.. Дай топор!

в) комиссивные (commissives) – выражают ситуации, когда говорящий принимает на себя обязательство совершить какое-либо действие. Комиссивную информацию несет предзаключительный эпизод.

– Предал, змей! Я тебя проучу! Не уйдешь ты от меня, остановись лучше. Одного отметелю – не так будет позорно. А то при людях отлуплю. И расскажу все... Остановись лучше!

Дегтярёв хочет в лесу сорвать справедливую злобу на тесте и потом никому не рассказывать про его подлый поступок.

г) экспрессивные (expressives) – передают психологическое состояние говорящего, его чувства.

– Ваша взяла, – сказал он. – Жрите, сволочи. – И пошел в деревню. На растерзанного коня старался не смотреть.

Здесь автор использует внутренний диалог: Иван бросает одну реплику за другой, не ожидая получить ответной реакции, поскольку они «адресованы волкам. Характерной для идиостия В. Шукшина является несобственно-прямая речь. Иван обращает угрозы тестю, после того, как он уже убежал, испугавшись хищников: – Ну погоди!.. Погоди у меня, змей ползучий. Ведь отбились бы – и конь был бы целый. Шкура.

Несобственно-прямая речь позволяет осуществить незаметный переход от нарративной характеристики персонажа к его восприятию размышляющим в данный момент субъектом.

– Ну, погоди!.. Погоди у меня, змей ползучий. Ведь отбились бы – и конь был бы целый. Шкура.

д) декларации (declarations) – выражают заявления говорящего с гарантией их успешного осуществления [11: 170-194].

После погони за тестем Иван зашел к себе домой, выпил для храбрости и отправился к тестю. Иван вошел в избу... Его ждали: в избе сидели тесть, жена Ивана и милиционер. Милиционер улыбался.

– Ну что, Иван?

Милиционер уже знает всю случившуюся в лесу историю. Желая помочь Ивану, он уводит его из дома Кречетовых – от греха подальше.

Милиционер взял Ивана под руку и повел из избы. На улице остановились, закурили.

Итак, обучение пониманию закономерностей восприятия художественного текста с точки зрения породившего его дискурса – необходимый элемент успешного полилингвального образования. Развитие дискурсивного мышления обучающихся – одно из важнейших условий разработки и совершенствования коммуникативно-прагматических методов преподавания языка, создания инновационной методологии. Развитие дискурсивного мышления обучающихся при дискурсивном анализе художественного слова направлено на выработку умения «видеть» языковую личность автора текста, а

сам текст воспринимать с точки зрения коммуникативно-прагматического потенциала каждого из изучаемых языков.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. 5 изд. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 288 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Буданов В. Событие и смысл (Синергетический опыт языка). – М.: ИФРАН, 1999. – 279 с.
4. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. – СПб.: Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с.
5. Вендлер З. Факты в языке / З. Вендлер // Философия, логика, язык. Общ. ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. – М., 1987. – С. 293-317.
6. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. Т. 42. № 4. – С. 320-329.
7. Bruner, J. *Actual Minds, Possible Worlds*. – Cambridge, MA: Harvard University Press. 1986. – 379 p.
8. Nikolai F. Alefirenko, I.I. Chumak-Zhun, E.G. Ozerova, K.K. Stebunova. Text and discourse (Between Scylla and Charybdis of Cognitive Linguopoetics // Journal of language and literature. 2015. № 30. – P. 33-39.
9. Фершуерен Дж. Заметки о роли метапрагматической осведомленности в использовании языка. - М., 1999.
10. Searle J.R. A taxonomy of illocutionary acts / J.R. Searle // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194.
11. Шукшин Василий. Волки // Полное собрание рассказов в одном томе. – М.: ЛитРес, 2015. – 318 с.